

Счастливцев Александр Николаевич

ЗНАКОВАЯ СТРУКТУРА СОЗНАНИЯ

Сознание как способность понимать создает свою собственную знаковую структуру. В момент понимания реперцепция изменяет синтаксическую структуру мысли до начала формирования логической формы понятия. В данной статье производство нового знания изучается с точки зрения кореферентных знаковых структур. Момент выражения и понимания смысла анализируется как результат взаимодействия символических форм интерпретации и восприятия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/6-1/55.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56): в 2-х ч. Ч. I. С. 183-191. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

трем делам были приговорены к максимально возможному сроку лишения свободы и высшей мере наказания, что, однако, компенсировалось для них возможностью подачи кассационной жалобы: Отделение, как правило, не отменяя приговоры, понижало меру наказания обвиняемым.

Наказание за собственно должностные преступления было менее жестким, но возможность пересмотра по кассации приговоров и по таким делам была достаточно редкой. Чаще приговоры по ним отменялись по причине нарушения УК и УПК, т.е. в порядке судебного надзора, отправляясь на повторное рассмотрение. Этот факт позволяет полагать, что практика кассационного производства была одной из форм контроля со стороны Отделения над соблюдением местными трибуналами норм УК и УПК, вводимых с началом нэпа взамен норм чрезвычайного и декретного права.

Список литературы

1. **Борисова Л. В.** НЭП в зеркале показательных процессов по взяточничеству и хозяйственным преступлениям // Отечественная история. 2006. № 1. С. 84-97.
2. **Гыстаров В. М., Агаев Г. А.** Борьба советской власти с экономическими преступлениями в первой половине XX века // История государства и права. 2007. № 13. С. 24-25.
3. **Долгих Д. Г.** Регулирование уголовной ответственности за служебные преступления: исторический анализ российского законодательства // История государства и права. 2009. № 1. С. 17-25.
4. **Судакова Т. Г.** Нормативно-правовая регламентация деятельности Владикавказского отделения Верховного трибунала ВЦИК в период перехода от чрезвычайного-декретного к кодифицированному праву (1921-1923 гг.) // Былые годы. 2014. № 3 (33). С. 437-443.
5. **Судакова Т. Г.** Формирование Владикавказского отделения Верховного трибунала ВЦИК и его место в системе органов чрезвычайной судебной власти Горской республики (июнь 1921 – апрель 1923 г.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 195-198.
6. **Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А).** Ф. 322. Оп. 1.

MALFEASANCES IN CASSATION PRACTICE OF VLADIKAVKAZ BRANCH OF THE SUPREME TRIBUNAL OF THE CENTRAL EXECUTIVE COMMITTEE DURING THE INITIAL PERIOD OF NEP (1921-1922)

Sudakova Tat'yana Grigor'evna, Ph. D. in History

*Financial University under the Government of the Russian Federation (Branch) in Vladikavkaz
tatyanushka.s@mail.ru*

The article is prepared on the basis of the analysis and generalization of archival materials and devoted to the research of the cassation investigation of the cases of malfeasances, for which sentences were imposed by the revolutionary tribunals of the Mountain Republic from 1921 to 1922. It is ascertained that the abolition or revision of tribunals sentences on defendants' cassation appeals were rare in such cases. The sentences of tribunals were often abolished or revised by the Branch of the Supreme Tribunal according to forensic-supervisory procedure.

Key words and phrases: Branch of the Supreme Tribunal; The Mountain Republic; cassation board; revolutionary tribunal; judicial system.

УДК 115.4; 165.12

Философские науки

Сознание как способность понимать создает свою собственную знаковую структуру. В момент понимания реперцепция изменяет синтаксическую структуру мысли до начала формирования логической формы понятия. В данной статье производство нового знания изучается с точки зрения кореферентных знаковых структур. Момент выражения и понимания смысла анализируется как результат взаимодействия символических форм интерпретации и восприятия.

Ключевые слова и фразы: знак; выражение; смысл; значение; кореференция; реперцепция; сознание; внимание; интерпретация; восприятие; время; пространство.

Счастливцев Александр Николаевич, д. филос. н., доцент

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (филиал) в г. Тамбове
a.alter2010@yandex.ru*

ЗНАКОВАЯ СТРУКТУРА СОЗНАНИЯ®

Введение

Сосредоточение внимания в различных культурах устанавливает меру знаковой определенности внимания к предмету. Целью сосредоточения является активизация работы сознания до способности к пониманию.

Способность к пониманию означает высшую степень развития индивидуального сознания. Формирующееся в творчестве сознание непрерывно преобразует индивидуально обозначенные представления ради понимания постоянного нового смысла. Это значит, что референции передаваемых и получаемых представлений необходимо различны. В результате выразительные средства и знаки внимания оказываются в отношении кореференции. Выраженный смысл как уникальный текст распознается методом как читающим текстом. Структуру формирующегося мышления воспринимающей личности составляет дословесный интонационный синтаксис. На уровне интонационного синтаксиса субъект мышления и структурируется как таковой еще до логической формы понятия. Социальное пространство, создаваемое в момент творчества в этом месте, таким образом, обозначается знаками внимания, отличными от знаков привлечения. В противном случае смысл не передается.

Предметом данного исследования является знаковая структура сознания. Методом исследования является сравнительный анализ работы сознания в разных типах культур. Результатом исследования является выявление закономерности формирования знаковых структур сознания в момент восприятия и понимания. В первом разделе рассматривается точка открытия сознания в процессе исследовательского и проектного сосредоточения. Во втором разделе изучается кореферентное взаимодействие контекстов индивидуального сознания. В третьем разделе анализируется индивидуальная синтактика сознания.

1. Точка открытия сознания

Сосредоточение на предмете анализа структурирует сознание в его интенции к пониманию. Собственно сознанием оно и становится в момент понимания. Эффективность сосредоточения зависит от точности обозначения этапов анализа. Важность техники сосредоточения для успеха исследовательской и изобретательской деятельности признается как европейской, так и восточной традициями. Степень сосредоточения в обеих культурах устанавливает меру знаковой определенности внимания к предмету. Эта мера также определяет собой необходимую и достижимую точность художественного языка, в сущности, предельно точного. Сосредоточение внимания на предмете вошло в европейской научной традиции в привычку, которая, однако, сама по себе как психический механизм необходимой мастерской точности не означает. В частности, не всякое сосредоточение способно точно указать свой референт и поэтому не всякое сосредоточение достигает состояния инсайта. Поэтому так часто научные понятия используют в сочетании с отсталыми взглядами, в том числе и взглядами даже на предмет науки, подобно тому, как это происходит в обыденном сознании. В результате структурирующее себя сознание оказывается деструктивным.

Внимание, как известно, удобнее сосредоточить в пределах специализированного научного сознания. Некоторую замкнутость специализированного сознания преодолевает, как принято полагать, кроме европейского *озарения*, также восточная техника *медитации*, позволяющая переключать предметную сосредоточенность. Кажется, что, освободившись от предметно *обозначенного* представления в момент медитации, можно найти *точку открытия сознания*. В действительности и инсайт, и сатори требуют такого подхода, при котором достижение чистого внутреннего созерцания вовсе не означает разрушения *важных* для понимания осознанных референций. Напротив, ступени медитации, освобождающие сознание от предметно обозначенных ограничений, являют собой те же уровни дисциплинированной работы духа, которая *открывает* бессознательное как источник информации для сознания. Инсайт озаряет бессознательное, сатори ему внимает. Но внимает не *в силу* сосредоточенности, а *из-за* рассеянности относительно предмета.

Эта независимость созерцания от частной предметности, может быть, не без основания оправдывает некоторое чувство превосходства медитации над культурой внимания с целью инсайта. Но в таком превосходстве был бы практический смысл, если бы *свобода от* предметной ограниченности сознания была бы также и *свободой для* эвристической активности созерцающего. А поскольку в восточной традиции целью медитации является главным образом избавление от страдания, то это получающееся высшее блаженство оказывается всего лишь блаженством без открытия. На деле освобождение от произвольного внимания превращает все внимание в непроизвольное: ибо ради чего более высокого открыто восприятие, если не ради *открытия закономерности* в науке или ради *нового стиля* в искусстве? Именно эта новая для открытого восприятия информация и является первым *референтным* предметом *семантической* работы. Только в этот момент перед личностью сознательной-для-себя возникает проблема быть понятной-для-другого.

В частности, в научном наблюдении внимание выступает *означающим* по отношению к исследованию. Наблюдение в науке структурировано задачей формирования нового знания об объекте. Поэтому *метод* исследования по отношению к наблюдаемому феномену выступает *в качестве* знания о знании. А феномен по отношению к методу предстает как выраженный смысл. Этот выраженный смысл и читается методом как уникальный *текст*. Соответственно, метод как читающий текст представляет собой актуальную форму предметно *означаемого* бытия. Но в ходе наблюдения выясняется, что объект имеет несколько иной характер поведения и иную среду для функционирования, нежели предполагалось и, соответственно, обозначалось в программе исследования, основанной на наличном знании. Иначе говоря, метод в этом случае уже не является релевантным для исследователя как для *объекта*. Поэтому разумно поступают, когда формулируют несколько гипотез, главным образом гипотезы непарадигмального характера. То есть само «знание о знании» в контексте исследования оказывается не более чем одной из гипотез.

Так, метод исследования предстает как форма предметно обозначенного бытия. Именно поэтому метод способен структурно прогнозировать *выраженный* в поведении объекта смысл. И прогнозирование это выражается в постоянном означающем движении исследовательского внимания от одной конкурирующей гипотезы к другой. Если существование объекта предметно *обозначено*, то оно имеет возможность бытия-для-меня

в момент восприятия его как выраженного смысла. Например, *соображение* личности воспринимающего необходимо для понимания смысла интерпретации. Поэтому *соображение* требует распределения *обозначенного внимания* по всем частным происшествиям экспонируемой формы. Соответственно, субъект внимающий обозначает также и все остальные представления, актуальные в момент восприятия.

Эвристический характер и медитации, и инсайта открывает возможность сознанию быть неограниченным во время восприятия во всех своих ассоциациях. Поэтому путь, который проходит внимание относительно *знакового* процесса изложения мысли, длиннее и менее предсказуем, чем путь внимания исполнителя, который занят артикуляцией и выбирает для своей работы наиболее значительные слушательские озарения. Эти слушательские озарения выражаются посредством *знакового процесса молчания*. Структуру формирующегося мышления воспринимающей личности составляет *интонационный синтаксис*, в контексте которого субъект мышления структурируется как таковой еще до начала формирования собственно логической формы понятия. Этот интонационный синтаксис обозначается *знаками внимания* слушателя. Знаки внимания, которые оказывает личность воспринимающего произведению, выполняют *сигнификативную* функцию. То есть интонационный синтаксис не складывается из результатов семантической работы как сумма, а напротив, всякий знак подчинен синтаксису как своему структурному закону. Ибо воспринимающий не может ничего обозначить вне контекста своего понимания. Тем самым субъект мышления занимает место в социальном пространстве, создавая это самое «здесь». Социальное пространство, *создаваемое* в этом месте, таким образом, обозначается. Очевидно, что скорость обозначающего внимания выше, чем скорость указывающего внимания.

Сосредоточение и обозначение внимания, как видно, требует отвлечения внимания. Но само по себе отвлечение не превращает внимание в абстрактное. Более того, отвлечение от несущественных признаков означает *привлечение* внимания к структуре объекта. Выразительные средства, которые использует артист, выполняют *индикативную* функцию как знаки привлечения внимания. Эти знаки, которые мы используем для указания, очевидно, также должны принадлежать интонационному синтаксису, если мы хотим, чтобы нас поняли. Поэтому и социальное пространство, структурируемое этим становлением субъекта внимания в этом *месте*, не становится от этого абстрактным. Операция сосредоточения служит универсальным механизмом формирования индивидуального сознания в силу того, что внимание отвлекается от несущественных в этот момент сторон звучащей интерпретации.

Индивидуально формирующееся в *момент понимания* сознание видит, что в звучащей интерпретации существенно, а что – нет, и самостоятельно устанавливает тип внимания. А именно то, на что обращает внимание слушатель, зависит: а) от характера его восприятия – вкуса и б) от *важнейшей* его характеристики как человеческого восприятия – апперцепции. Значение апперцепции состоит в том, что каждый воспринимающий воспринимает не отдельный образ, а всегда *со-ображает* его с некоторыми другими образами. Поэтому отвлечение как частная познавательная операция у каждого воспринимающего индивидуально. Другими словами, абстрагирование в восприятии и конструировании образа всегда конкретно. Именно это конкретное абстрагирование и *обозначается*.

Единичный путь, проходимый значительным пунктом внимания в момент *соображения*, образует индивидуальную синтактику, с помощью которой воспринимающая личность открывает новые стили и закономерности. Возникновение мысли имеет универсальный смысл. Мысль как мировое событие находит решение на темном фоне бессознательного только с помощью развитой *интуиции*. Именно поэтому интуиция является действительной *целью* воспитания чувств. То есть сознание возникает на *границе* света и тьмы, то есть в момент понимания. Интерпретация и слушательское *соображение* необходимо различны, и это их принципиальное различие в момент восприятия и понимания определяет частные разности и уникальность каждой индивидуальной синтактики. Примерами значительного сосредоточенного внимания могут служить внимание сонатам и партитам И. С. Баха для *скрипки соло* или созерцание одной *цветущей ветви*. Минимум выразительных средств как в западной, так и в восточной традициях концентрирует внимание на уникальном моменте творчества и выражает его в соответствующих знаках внимания.

Слушательские знаки внимания, с помощью которых выражается восприятие и сопровождающие его медитация и анализ произведения, не только привлекаются интерпретацией, но и непосредственно воздействуют на нее посредством *знакового процесса молчания*. Процесс молчания выступает в коммуникации таким же *символическим* процессом, референтным для интерпретатора, как и процесс экспонирования для слушателя. Воля к *молчанию* воздействует на материал в той же степени, что и *звукотворческая* воля, и тем самым актуализирует восприятие. Термин *воля* означает сосредоточение энергии на предмете действия. В основе волевой регуляции поведения лежит сосредоточение разнонаправленных референций, важных для субъекта. Управление этой энергией составляет основное содержание кибернетической работы сознания.

Этот же принцип лежит поэтому также и в основе внешней кибернетической художественной матрицы. «Мгновенная коммуникация, одновременная работа событий, разнонаправленных референций и ассоциаций, непрерывная стимуляция всех смыслов и активное участие каждого человека – вот факторы, которые конституируют энергетическое ядро творческой активности. Только полностью автоматизированное общество или общество в процессе его формирования с помощью кибернетического видения потребовало бы такой степени искусственно стимулируемой творческой интенсивности; и только кибернетическая эра, как можно ожидать, будет осуществлять это. Богатое разнообразие опыта и высокий показатель потока информации всюду по Кибернетической Художественной Матрице указывают, что налицо два основных требования творческой ситуации, а именно разнообразие и раздражение» [6, р. 147]. Сама же интерпретация реализуется в управляемом

процессе, посредством которого смысл может быть выражен. Не существует знак внимания отвлеченный вообще, а всегда существует отвлеченный конкретно ради работы со структурой. Точно так же ничего не определяет отрицательное определение, а отсылает к конкретным определению или указанию. Иначе говоря, любое отвлечение внимания имеет значение только в его существенном энергетическом привлечении.

Таким существенным привлечением внимания является уникальный личностный момент восприятия и открытия. Даже самые сильные абстракции, такие как творчество, универсум, мышление, открытие в качестве отвлечений, теряют всякие значения вне смысла, который как индивидуальная догадка является для личности фундаментальным. Например, для того чтобы интерпретация могла быть в восприятии, она должна обратить на себя внимание. А для этого она должна реализоваться в символическом звуковом процессе. Это значит, что интерпретация должна быть *референтной* для слушательского внимания посредством символического процесса исполнения. Но, обратив внимание на себя, интерпретация испытывает постоянное *кореперентное* воздействие внимания как своего инобытия в социальном пространстве. То есть выражение и внимание находятся в отношении *кореперентности* [1, с. 151] различных объектов. В противном случае они не передают и не понимают смысл.

Для того чтобы быть выраженным, временной смысл интерпретации должен обрести *пространственную* значимость в исполнении. Эта значимость в пространстве недостижима вне конкретного момента восприятия. Вне уникального *момента* восприятия и понимания исполнение как частный субъектный *процесс* не имеет значения. Понимание означает такое раскрытие выражения воспринимающей личностью, при котором меняется структура ее собственного *дескриптивного* смысла. Эта новая структура описательных терминов отныне выражает формы ее индивидуального понимания. Ясно, что понимание как таковое возможно только в том случае, если в момент восприятия изменяется *прескриптивный* смысл, который несет слушательская апперцепция. В противном случае вся история развития термина от начального остенсивного определения до конкретных дескрипций была не нужна. Только благодаря наличному *внутреннему тексту* индивидуального сознания как его отчетливой знаковой форме возможно понимание смысла внешнего *излагаемого текста*.

Очевидно, что референция излагаемого текста не совпадает с референцией внутреннего текста. Каждый из них имеет различное временное происхождение. Время экспонирования имеет определенное *значение* звукового процесса. Относительно этого процесса формируется траектория слушательского внимания и хронометрически обозначается восприятием, то есть из *будущего*. Сердце в будущем живет, как замечает А. С. Пушкин [2, т. 2, кн. 1, с. 365], и это будущее определяет собой актуальность представлений. Синтактика мышления исполнителя конструируется как *композиция* его поведенческих функций. Эти функции обращены к воспринимающей личности из *прошлого*, то есть из длительности проектирования. В силу этого качественного временного различия различаются форма интерпретации и форма восприятия как различные *моментальные* формы. Это временное происхождение определяет собой социально-пространственную структуру коммуникации.

Исполнитель *находится* в данной социальной структуре, поскольку он как *субъект действия* определен хронометрически векторным пространством. А воспринимающий слушатель или читатель *содержится* с помощью изменений конкретной *формы* восприятия как личность, которая существует в момент творчества. То есть изменения формы восприятия составляют содержание его существования. И наоборот, *внимающий субъект* лишь находится в пространстве своего сосредоточенного внимания. А интерпретатор как личность определяет все изменения символического процесса экспонирования, будучи самым содержанием создаваемого образа. Однако эта симметрия в отношениях между субъектами творчества и научного поиска не означает, что она равновесна. В прежние времена эти творческие отношения именовались музами. И равновесными эти отношения становятся только в замкнутых структурах, где между социальными ролями исчезают выраженные различия.

Такое состояние безразличия между субъектами представляет собой небытие выражения, когда прекращается познавательный процесс, соответственно, и деятельность *познающего субъекта*. В частности, так называемая феноменологическая редукция, если ее принять в пределах ее собственного дискурса, влечет не что иное, как утрату вместе с познающим субъектом также и социального пространства. А утрата пространства в этом *месте* системы влечет стагнацию всей системы. Такого рода редукцию осуществляет сам упадок, настаивающий всякую замкнутую систему. Таковы, например, *замкнутые* структуры мнения, когда высказывания сплошь однозначны. Ибо «степень вербальной выраженности денотата на протяжении эволюции снижается пропорционально снижению уровня референциальности» [3, с. 165] вплоть до уровня симулякра. «Плавая по разнообразным означаемым, эти означающие застывают в 'как-если-бы-статусе'. Они только симулируют то, как у них должны были бы быть определенные означаемые. И, лишь притворяясь, они теряют свой референциальный или "указывающий" характер, и в некотором смысле они также теряют минимальную критическую дистанцию между собой и миром, которая требуется для любого такого референциального отношения. Они сами собой влились в поток фактических процессов. Они работают всегда и везде, хотя функционируют уже не как выразительные знаки, а только как спусковые механизмы для реакций, они являются теперь только стимулами, но уже не знаками» [10, р. 33]. В соответствии с этими пустыми *знакоемкостями* опустошается и топос. В этом случае высказывания *не интересны* ни одному из коммуникаторов. Следует только заметить, что отождествление значений начинается сначала между деградирующими субъектами внутри одной и той же личности. Топос как пространство для функционирования сознания схлопывается сначала в пределах субличностной структуры. И только затем наступает коллапс межличностных структур. Музы покидают их. Ибо далеко не каждый может сказать: «Усядься муза... не вертись, резвушка. Теперь начнем» [2, т. 5, с. 85].

В действительности феномен следует рассматривать как *форму выражения* смысла. В противном случае придется признать бессмысленным существование объекта. На это выражение мы можем либо *указать* как на «весь» феномен, либо *выделить* интересующую нас структуру. Точно так же феноменально выражается и

некоторое «я» как объект указания. В частности, «общее значение индексалов типа личных местоимений, особенно “я”... относится уже не к непосредственно индикативной их функции, а к их сигнификативному аспекту, который, естественно, и осваивается на соответствующей стадии развития» [5, с. 71-72]. Но из этого еще не ясно, которое из двух возможных «я» – личность или частный субъект – получает «общее значение индексалов».

Если не решать проблему с помощью слов, то становится очевидным, что мы имеем дело с отношением автореференции в двух смыслах. Во-первых, если под «я» понимают личность, то указание на нее суть *индексал* с общим значением. Но сам сигнификат «общее значение» и есть «смысл». Ибо человек как понимающее существо произошел в момент интуиции «как сделать», то есть конкретно в момент догадки об орудии как об алгоритме решения ряда аналогичных задач. Он *понял*, что обобщил. И кому он сообщит теперь о том, что знает? Только пока самому себе. Ибо «пока» нет ни словесного языка, ни понимающего друга. Один субъект сообщает другому субъекту знание как индивидуальный продукт. Это и есть собственно *сознание*. Один из них, *сообщающий*, суперсубъект, отличает теперь себя от всех других – рядовых *сообщаемых* субъектов и включает их в свою структуру. Это отличие представляет собой личность.

Во-вторых, если же под «я» имеют в виду частный субъект, то значение на этот раз *сигнификата* «я» не может быть иным, кроме как только частным. Ибо индексал «в сигнификативном аспекте» и есть сигнификат. Соответственно, самое-само Я-объект в различных ситуациях предстает либо *в качестве* индексанта, когда дают остенсивное определение, либо – всего лишь *как* сигнификант, когда его определяют частные науки в своих *разных* аспектах. Точно так же и самое-само Космос в *различных* взглядах предстает либо *в качестве* индексанта, в случае остенсии, либо – всего лишь *как* сигнификант, когда частные науки выделяют в нем свои *разные пред-меты*.

В результате в момент восприятия разные пути, проходимые слушательским и экспонирующим вниманием к феномену, делают этот символический звуковой процесс неоднозначным. Подобная асимметрия путей указывающего и обозначенного внимания к выражению смысла возникает в открытых системах, то есть в таких системах, когда восприятие поручено другой личности. Такой другой личностью может быть только та, которая содержится в будущем, то есть личность воспринимающего. Очевидно, что *сознание как способность понимать* возникает в момент внутриличностной коммуникации.

Этот принципиально новый тип коммуникации, который создается благодаря высшему субъекту «я-понял», то есть личности, включающему в себя субъект «я сделал», и конструирует первую субличностную социальную структуру. Поэтому и говорящий «о себе» может теперь использовать личное местоимение и в обобщающей индикативной, и в ограничивающей сигнификативной функции, если он это действительно осознает. После и только после уяснения различных функций внимания к личности и к субъекту как к качественно различным референтам на *синтаксическом* уровне стало возможным понятие как *логическая* форма. А именно *понятие есть форма мысли, указывающая на объект и определяющая предмет*. Синтаксическая форма диахронически охватывает путь от остенсии до сигнификации. Логическая форма схватывает остенсию и определение синхронически. Поэтому только после запуска коммуникации в пределах внутренней субъектной структуры личности можно было переходить к внешнему общению, в котором для передачи смысла метода «как» прежнего языка мимики и жестов было уже недостаточно. Возникла новая проблема изобретения словесного языка, в котором *различные* контексты необходимо взаимодействуют друг с другом.

2. Кореферентное взаимодействие контекстов сознания

Так складывается структура времени в качестве структуры творческого личностного бытия. Только в этой отчетливой структуре временные интервалы *обозначаются*. Хотя, разумеется, собственное внимание исполнителя к интерпретации контролирует образ интерпретации в меньшем диапазоне, чем это делает слушательское обозначающее внимание. В самом деле, как возможен знак внимания вне восприятия? Он возможен как *референтный* только в коммуникативной паре события, когда исполнитель отчуждает символический звуковой процесс ради восприятия и понимания смысла слушателем. Но именно в момент распознавания ощущений слушатель наделяет звуковой процесс своими собственными значениями в своем собственном новом контексте. Вне этого *кореферентного* взаимодействия уникальных контекстов денотат не функционирует как таковой. То есть он функционирует только в композиции функций. Исполнитель *как* субъект, внимающий интерпретации, *находится* в пространстве сосредоточения. Но слушатель *в качестве* личности композитора, исследователя или конструктора *существует*, включая в себя эту коммуникативную пару, определяя свои собственные субъектности индивидуально. Открытость творческого бытия как системы выражения смысла достигается с помощью описанной *асимметрии* исполнения и слушания, исследования и чтения, то есть субъектного функционирования и личностного формирования.

Таким образом, символически внимающий слушатель измеряется *мнимым* временем пространственного определения. Это время как частная длительность течет из прошлых представлений в прошлое. То есть эта длительность обращается в момент восприятия и является выражением *личностного* времени слушателя. Обычно о бытии судит *частный* дискурс, и у него получается, что бытие есть то, чего не было. Но если у бытия нет прошлого, то как представления могут актуализироваться в момент взаимодействия фундаментальных форм? В действительности представления актуализируются не иначе как в форме *реперцепции*. Термин *реперцепция* означает переживание представления, в ходе которого представление реконструируется. В противном случае субъект не мыслит. В течение этого мнимого счетного времени переживания частных представлений структурируется каждый отдельный обозначающий субъект внимания. Благодаря реперцепции представления структурируются вплоть до высшего *представления о шедевре* как об объекте. Поэтому реперцепция представлений служит психическим механизмом понимания целого. Но узнать об этом движении интерпретатор может только с помощью синтаксического механизма, который использует *знаки внимания* слушателя.

Так что прошлое в его фундаментальном смысле имеет структуру состоявшегося *знания*. Знание представляет собой неисчезающий *след понимания*. Поэтому знание всегда индивидуальный продукт. Только идущее по этому следу внимание оказывается продуктивным. Такое прошлое открыто только в том случае, если сознание открыто в будущее с помощью *выраженного* смысла. А именно мнимое время проекта, с помощью которого исполнитель разграничивается в архитектуре социального пространства, проходит из будущего в будущее следующего проекта. То есть *обращенное* интерпретацией к восприятию счетное время *выражает* личностное время исполнителя. Выразить этот смысл проекта невозможно без помощи *знаков привлечения*, обращенных к вниманию личности воспринимающего, восприятие которого необходимо апперцептивно. Момент формирования личности интерпретатора открыт вниманию, если и только если восприятие открыто в течение экспонирования. Личностное время представляет собой момент, когда формируются два важнейших качества: характер восприятия и стиль мышления. Это время необратимо, следовательно, референтно для каждого объекта, потому что оно как событийное время удерживает смысл.

Поэтому и знаки *привлечения* внимания, и знаки *обращения*, какими являются выразительные средства, имеют счетно-временное значение. И в этом счетно-временном значении они *кореферентны*, или *кросс-референтны*, именно потому, что выполняют разные функции. «Индивидуализация с помощью гештальт-принципов и местоположения еще не достигает понятийной демонстрации объекта. Мы говорим только о способе кросс-референциальной обработки информации на отдельных потоках, которая фактически касается того же самого объекта, но не об уровне представления, на котором у нас уже есть референция на объекты» [7, р. 35]. Так обозначение и указание оказываются на разных уровнях представлений. Как же они связаны?

Присмотримся, однако, внимательнее к предложению «Джон хочет жениться на девушке, которая не нравится его родителям, и иметь от нее много детей» [1, с. 152]. Здесь на кореференцию указывает местоимение «нее». Но пока мы говорили «которая не нравится его родителям, и иметь от нее», *референция местоимения* по отношению к *референции имени* уже изменилась. Так прирост информации *во времени* стимулирует интеграцию знания. То есть кореференция имеет смысл только в том случае, когда имеет место остенсия одного и того же развивающегося объекта, с помощью, по крайней мере, *разных* обозначений. Именно в этом смысле есть смысл использовать термин кореференция.

Такое сообозначение выражает более чем одну сторону объекта. «Референциальные термины часто не могут пересекать границы остенсивных контекстов. Остенсивные термины могут иметь ко-референциалы, но не будут иметь никаких точных эквивалентов в описательных терминах: ни одна неостенсивная фраза не гарантирует, что имеет ту же самую референцию, что и 'это'. <...> ни одна остенсивная *de re* фраза не гарантирует, что это будет та же самая референция, что и 'я'» [9, р. 108]. Если мы не принимаем во внимание это движение субъекта по пути прироста информации во времени, то так и остаемся в пределах суммы равнозначных сторон дизъюнкции. Разбирая феноменологические подходы, Д. Чалмерс замечает: «Возможно, истинно, что распознаваемые понятия когнитивно отличны от теоретических понятий, и возможно, истинно, что они часто кореферируют с теми понятиями. Однако случаи, в которых они являются таковыми, это всё те случаи, когда распознаваемые понятия имеют нетривиальную двумерную структуру, как правило, такую, чтобы у них были на выбор дистинктивные первичные и вторичные интенции референта как причины достоверного рода опыта (или какого-нибудь подобного сопряженного способа представления). Кроме того, эта двумерная структура обеспечивает ясное *объяснение* того, как и почему распознаваемое понятие кореферирует с теоретическим понятием» [8, р. 183]. Как будто «расознаваемые понятия» застыли в своем статусе двумерных существ и представляют мир только в виде отсканированных площадей. Что такое биология? Это то, чем занимаются биологи. А кто такие биологи? Подобные концепции, как представляется, «не могут объяснить существование сильной психофизической необходимости. Вместо этого обе оценки должны предполагать такую необходимость в ключевом пункте как своего рода базисный элемент. Можно было бы думать, что еще некоторая рафинированная оценка избежит этой проблемы, но я думаю, что проблема неизбежна» [Ibidem, р. 184]. Тем не менее тривиальный вывод вида «и описательные, и теоретические термины» не спасают слова «нетривиальный», «феноменальный», «физикалистский», с помощью которых авторы пытаются разорвать круг. В частности, остается неясным, как объяснить кореференцию исходя из психофизикализма, если не принимать во внимание важное обстоятельство, что психофизикализм суть также один из исторически определенных продуктов природы.

Принципиально новый шаг к денотату высокого порядка референция местоимения, например я-референция, делает только в том случае, если дает постоянный прирост информации в контексте остенсии *я-сознания*. «Важным следствием полярности личностей является то, что личные местоимения – это знаки специального вида: они не означают ни понятия, ни человека. <...> Что тогда является референтом Я? Я указываю на отдельную инстанцию коммуникации, где она произнесена и где она показывает 'говорящего'. Конструкция языка допускает любого говорящего, когда он указывает на себя, чтобы использовать язык, как будто он был его собственным свойством. Местоимения... – пустые формы... приспосабливаются говорящим» [11, р. 37]. Эти референции не пусты, только и если только они являются *неэкстенциональными* в том смысле, что, по крайней мере, одна из них указывает на *понимание*. Ибо понимание выходит за пределы ряда тех интенционалов. Важнейшие для понимания отношения кореференции в указанных *нетождественных* значениях необходимо возникают в момент восприятия интерпретации *различными*, то есть *несоизмеримыми*, субъектами. Как формируются несоизмеримые субъекты в контексте личностного формирования – это центральная проблема возникновения сознания.

Пространственно ограниченное субъектное становление может быть воспроизведено только в том случае, если уникально формирование личности. Пространство является *обратимым* как последовательность сходных субъектных структур в том случае, если *необратимо* личностное время. Личностным временем является момент творчества. Только этот момент конструирует пространства разной структуры. Выразительные средства поэтому тогда становятся знаками *привлечения* внимания, когда они выступают для понимающего восприятия в качестве выразительных средств. О восприятии выразительных средств можно судить только по *знакам обращения* внимания – по жестам, взгляду, которые характеризуют качество молчания. Все эти знаковые действия формируют живого индивида как *носителя* выраженного смысла и тем самым архитектуру органического пространства искусства и науки. Восприятие структурирует синтактику индивидуального мышления в форме нового представления, *отличного* от образа интерпретации. Но сама синтактика в результате восприятия и понимания не исчезает, а включается в индивидуальный эйдогенез с помощью реперцепции. Индивидуальная синтактика осмысливается только в контексте соображения и понимания как важнейших форм бытия.

Синтактика движения знаков внимания осмысливается только в момент понимания. И только в этот момент реперцепции представлений знаки получают свои новые значения. Интонационное мышление представляет собой неповторимый индивидуальный доречевой процесс формирования индивидуальных синтактик. Значения синтаксических структур доречевого мышления всегда *замещаются* в момент инсайта в контексте новых, *универсально* различных смыслов. Интонация как осмысленное выражение лежит в основе всех частных процессов индивидуального мышления.

Таким образом, неформальные и допонятийные процессы мышления имеют индивидуальную синтаксическую структуру. Поэтому эта форма мышления недоступна для анализа с помощью известных прескриптивных структур. Содержание ее составляют ассоциации и предчувствия, которые, кажется, не связаны друг с другом. Только развитие идеи обнаруживает и уточняет скрытые связи, в соответствии с которыми определяется структура социального пространства в этом месте. Рассмотрим слушательскую индивидуальную синтактику сознания.

3. Индивидуальная синтактика сознания

Всякое *сочинение* представляет собой символический процесс, и для того чтобы оно формировалось как *произведение*, требуется индивидуальный движущийся пункт встречного распознающего внимания. Момент восприятия представляет собой момент настоящего для этого конкретного индивидуального мира. Точно так же произведение не существует в качестве интерпретации без единичного исполнения. В частности, внимание привлекается: а) к слуховым ожиданиям, б) к слуховым ощущениям и в) к следам ощущений. В результате образуется *зона внимания*. Слушатель обращает внимание на разные стороны своего восприятия.

В свою очередь, символический процесс исполнения хронометрически определяется текстом и интерпретацией. Точка внимания *ритмически* определяет субъект слушания. Собственное *становление* субъекта экспонирования определено явно с помощью символического процесса. Присутствующее *бытие* воспринимающей личности неявно определяет себя психическими происшествиями восприятия. Выраженные в символическом процессе молчания происшествия доступны интуиции интерпретатора в силу того, что процесс молчания, будучи *знаковым* процессом, служит референтным *символом* внимания для личности воспринимающего. Благодаря этому символическому характеру молчания сознание направляет внимание на референтные синтаксические структуры произведения. Одинаковы ли значения этого символического процесса?

Г. Фреге заметил, что «слова “Вечерняя звезда” и “Утренняя звезда” взаимозаменяемы как обладающие одним и тем же значением, то есть являющиеся собственными именами одного и того же небесного тела. Надо различать смысл и значение» [4, с. 221]. Присмотримся, однако, внимательнее к отношению слов в примере Фреге. Здесь на кореференцию указывают разные имена планеты. Но пока мы говорили имена «Вечерняя звезда» и «Утренняя звезда», мы вспомнили «Вечернюю звезду» Г. Фаллерслебена, Р. Шумана, «Вечернюю звезду» Р. Вагнера. В этих ассоциациях одного и того же *значения* мы прочитали различные *смыслы*. Звуковой процесс и слуховое ощущение физически *тождественны* друг другу. Они имеют одинаковое значение, но разный смысл для разных субъектов. Именно это тождество их *по субстрату* дало повод для феноменологического рассмотрения объекта. Но символический процесс изложения и траектория слушательского внимания представляют собой *разные* зоны внимания. Поэтому они всего лишь *сходны*, а не тождественны. И они поэтому могут быть количественно *измерены* и по-разному обозначены. Действительное *различие* особенных форм интерпретации и восприятия состоит в индивидуальных смыслах, производимых интерпретатором и воспринимающим. И это различие лишь выражается в совместном изменении хронометрических границ акустических событий.

Поэтому чем больше доля произвольного внимания в восприятии, тем больше слуховое представление о *мастерском* произведении как о всеобщей норме усваивает прескриптивную структуру интерпретации. Другими словами, чем уже зона внимания, тем больше форма представления становится *синтаксически* сходной с формой интерпретации. И наоборот, чем более отвлечено внимание слушающего субъекта, тем больше разница в дескриптивных структурах интонации. Иначе говоря, чем шире зона внимания, тем более *семантических* разниц между проектом и представлениями воспринимающего.

При меньшей рассеянности внимания структурируемое пространство содержит больше *жанровых признаков*, значит, и социальной стабильности. Это обеспечивает устойчивую трансляцию традиционных смыслов в массовом сознании. При большей рассеянности внимания пространство структурируется в момент формирования личности слушателя. Это пространство способствует развитию стиля *произведения*, которое является собственным предметом индивидуальной интерпретации. Такое внимание способствует большему

разнообразие извлекаемых индивидуальным сознанием значений. Эти тенденции составляют *всеобщую закономерность* развития знаковой структуры сознания в момент восприятия и понимания.

Отсюда, для того чтобы быть воспринятой в новых индивидуальных смыслах, интерпретации требуется и трансляция опыта в форме жанра, и формирование ее самой как произведения. Иначе говоря, для интерпретации необходимо и сосредоточение внимания, и рассеяние внимания. Непроизвольное внимание к выразительным средствам обращается к следам ощущений, тем самым интерпретация усиливает впечатление от сочинения. Поэтому художественная картина мира существует как самостоятельная по отношению к научной картине мира. Точно так же как интуитивное предвидение решения, выражаемое с помощью метафор, необходимо для последующего развития теоретического знания. Именно для уяснения этого допонятийного этапа развития мышления художественная картина мира фиксируется как таковая. У нее есть своя собственная функциональная композиция, без которой выражение и понимание смысла с помощью доречевых средств невозможно. Доречевые выразительные средства позволяют выразить смысл посредством знакового функционирования, независимо от частной его специализации.

Заключение

Знание представляет собой не исчезающий след понимания. Поэтому знание – всегда индивидуальный продукт. Идущее по этому следу внимание становится продуктивным. Оно не может не быть рефлексивным. Сознание как способность понимать возникает в момент интуиции метода, которая и создает структуру внутриличностной коммуникации. Только в корелативном взаимодействии уникальных контекстов денотат функционирует как таковой. В частности, референция местоимения продвигается к денотату высокого порядка только в том случае, если дает постоянный прирост информации в контексте остенсии я-сознания.

Эти референции не пусты только в том случае, если они являются неэкстенциональными, когда, по крайней мере, одна из них указывает на понимание. Значения синтаксических структур интонационного доречевого мышления замещаются в момент инсайта в контексте универсально различных смыслов. Неформальное мышление имеет синтаксическую структуру, которая предшествует понятийной форме. Символический процесс экспонирования образа функционирует как метрический определитель, производный от ритмического слуха интерпретатора. А символический процесс молчания служит референтным символом внимания для личности воспринимающего.

Чем больше доля произвольного внимания в восприятии, тем больше слуховое представление о мастерском произведении как о всеобщей норме усваивает прескриптивную структуру интерпретации. Иначе говоря, чем уже зона внимания, тем больше форма представления становится синтаксически сходной с формой интерпретации. И наоборот, чем более отвлечено внимание слушающего субъекта, тем больше разница в дескриптивных структурах интонации. Иначе говоря, чем шире зона внимания, тем более семантических разниц между проектом и представлениями воспринимающего.

При меньшей рассеянности внимания структурируемое пространство содержит больше жанровых признаков, значит, и социальной стабильности. Это обеспечивает устойчивую трансляцию традиционных смыслов в массовом сознании. При большей рассеянности внимания пространство структурируется в момент формирования личности слушателя. Это пространство способствует развитию стиля произведения, которое является собственным предметом индивидуальной интерпретации. Такое внимание способствует большему разнообразию извлекаемых индивидуальным сознанием значений. Эти тенденции составляют *всеобщую закономерность* развития знаковой структуры сознания в момент восприятия и понимания. Интуитивное предвидение решения, выражаемое с помощью метафор, необходимо для последующего развития теоретического знания. Но именно внесловесные средства позволяют выразить смысл посредством знакового функционирования и понять механизмы формирования мысли.

Список литературы

1. Павленис Р. Й. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.
2. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 17-ти т. М.: Воскресенье, 1994.
3. Резвушкин К. Е. К проблеме построения эволюционного ряда вербальных знаков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 164-166.
4. Frege Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов / пер. с нем. Б. В. Бирюкова; под ред. З. А. Кузичевой. М.: Аспект Пресс, 2000. 512 с.
5. Чертов Л. Ф. Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1993. 388 с.
6. Ascott R. Telematic Embrace. Visionary Theories of Art, Technology, and Consciousness. Berkeley – Los Angeles, California: University of California Press, 2003. 428 p.
7. Campbell J. Reference and Consciousness. N. Y. – Oxford: Clarendon Press, 2002. 260 p.
8. Chalmers D. J. The Character of Consciousness. Oxford: Oxford University Press, 2010. 596 p.
9. Grim P., Rescher N. Reflexivity from Paradox to Consciousness. Frankfurt – Paris – Lancaster – New Brunswick: Ontos Verlag, 2012. 190 p.
10. Kurthen M. White and Black Posthumanism. After Consciousness and the Unconscious / translated from the German by Robert Payne. Wien – N. Y.: Springer, 2009. 159 p.
11. Shaumyan S. Signs, Mind, and Reality: A Theory of Language as the Folk Model of the World. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006. 315 p.

SIGN STRUCTURE OF CONSCIOUSNESS

Schastlivtsev Aleksandr Nikolaevich, Doctor in Philosophy, Associate Professor
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Branch) in Tambov
a.alter2010@yandex.ru

Consciousness as ability to comprehend creates its own sign structure. At the moment of understanding re-perception changes the syntactic structure of thought before the beginning of the formation of the logical form of the notion. In the article the production of new knowledge is studied from the viewpoint of coreferent sign structures. The moment of the expression and comprehension of meaning is analyzed as a result of the interaction of the symbolic forms of interpretation and perception.

Key words and phrases: sign; expression; sense; meaning; coreference; re-perception; consciousness; attention; interpretation; perception; time; space.

УДК 332.14

Философские науки

Автор предлагает новый методологический подход к анализу сущности и содержания категории «социальный потенциал региона». Социальный потенциал региона определяется как органическое единство возможностей и способностей населения территориального образования, сформированное за счет использования собственных ресурсов социума, обеспечивающее достижение устойчивого социально-экономического развития, гарантирующее необходимый уровень и качество жизни.

Ключевые слова и фразы: социальный потенциал; регион; экономический потенциал; структура потенциала; ресурсы; возможности; способности.

Файзуллин Тагир Фанилевич, к. соц. н.

Российский государственный социальный университет (филиал) в г. Уфе
fayzullintf@rgsu.net

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА[©]

От уровня познания социально-экономического потенциала и разработки механизма эффективного его использования зависят научная обоснованность и совершенствование управления социально-экономической жизнью страны и ее регионов. Именно этим в первую очередь обусловлена актуальность изучения проблем потенциала общества и эффективной его реализации. В связи с установлением различных санкций со стороны США и ЕС на современном этапе развития нашей страны актуальность этих вопросов еще более возросла.

Социальный потенциал каждого региона имеет свои особенности. Анализ этих особенностей и основных факторов, воздействующих на современное состояние социального потенциала, выявление имеющихся противоречий в этой сфере, разработка механизма эффективного его использования определяют интенсификацию социально-экономического и духовного развития региона. Все эти проблемы носят фундаментальный характер и от их решения зависят преодоление кризисных явлений в регионе, обеспечение безопасности его функционирования и, соответственно, создание условий для прорыва страны на более высокий уровень общественного прогресса и сохранения ее суверенности в мировом сообществе. В практическом плане разработка этих вопросов необходима для совершенствования социально-экономической политики и управления развитием регионов.

Однако, в отечественной литературе, посвященной анализу проблем формирования и развития потенциала общества, обнаруживается отсутствие какого-либо единого методологического подхода к определению и интерпретации его сущности и содержания, что оказывает существенное отрицательное влияние на дальнейшее расширение и углубление исследований в этой области.

Одной из главных причин различий в трактовке содержания категории «потенциал» является его использование в самых разных сферах науки и практики. Он широко применяется в физике, химии, биологии, философии, экономике, социологии, военном деле, политике, психологии, педагогике и т.д. Это учтено в определении потенциала в толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова, где утверждается, что потенциал – это «физическое понятие, характеризующее величину потенциальной энергии в определенной точке пространства, а так же совокупность средств, условий, необходимых для ведения, поддержания, сохранения чего-нибудь» [9, с. 723]. В Большой советской энциклопедии потенциал рассматривается как средства, запасы, источники, имеющиеся в наличии и которые могут быть мобилизованы, приведены в действие, использованы для достижения определенных целей, осуществления плана; решения какой-либо задачи; возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области [3, с. 428].

История развития общественной мысли свидетельствует о том, что в науке никогда не было единства в понимании сущности потенциала. Противоречия и неоднозначная трактовка этого феномена обнаруживаются уже в системе категорий, представленной Аристотелем. Сегодня одни ученые потенциал отождествляют